

В. К. РОНИН

ВИЗАНТИЯ В СИСТЕМЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РАНЕКАРОЛИНГСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Возникшие в V—VI вв. на развалинах Западной Римской империи варварские королевства оказались с самого начала вовлечены в сложную и разветвленную систему международных контактов. Среди множества направлений внешних сношений каждого из этих королевств было одно привилегированное — сношения с Византией. Связь с императором в Константинополе была для местного правителя не только проблемой внешней политики, проблемой выживания в борьбе с соседями или осуществления территориальной экспансии. В еще большей мере это было проблемой престижа нового государства, определения им своего места в иерархии европейских народов. Соизмеряя себя с могущественной Византией, законной наследницей древнего Рима, королевства франков, вестготов или лангобардов оценивали свой собственный политический статус и удельный вес в международных делах. И наоборот: меняющееся отношение к Византии отражало динамику политического самосознания варварских королей. Именно этому направлению внешних связей уделяли наибольшее внимание и сами раннесредневековые монархи, и близкие к ним хронисты. Как показатель социального и политического развития того или иного германского королевства в Западной и Южной Европе V—VIII вв. его отношения с Византией вызывают первостепенный интерес и у современных исследователей.

История Франкского государства Меровингов и ранних Каролингов (до начала IX в.) позволяет особенно подробно проследить, как проявлялись в отношениях с Византией рост политического самосознания франкских королей и все более высокий уровень их территориальных притязаний. Содержание и конкретные формы франко-византийских контактов каролингского времени, политические и идеологические аспекты коронации Карла Великого в 800 г. — все это издавна привлекает к себе внимание медиевистов¹. Мы не можем, конечно, рассматривать здесь все эти проблемы в деталях, но постараемся лишь свести воедино некоторые свои наблюдения, касающиеся политической психологии, характерной для Франкского государства VII — начала IX в. Анализ латинских источников этого времени дает возможность хотя бы в самых общих чертах реконструировать представления раннекаролингского общества о Византии и ее роли в международной политике и об отношениях между франкскими государствами и властителями Константинополя².

¹ Основные работы по этой тематике указаны в кн.: *Lounghis T. C. Les ambassades byzantines en Occident depuis la fondation des états barbares jusqu'aux Croisades (407—1096)*. Athènes, 1980, p. 117—176; *Zum Kaisertum Karls des Grossen*. Darmstadt, 1972, S. 435—441.

² Из всей предшествующей литературы ближе всего к предлагаемой постановке проблемы подходит работа Ф. Хэнслера (*Haenssler F. Byzanz und Byzantiner: Ihr Bild im Spiegel der Überlieferung der germanischen Reiche im früheren Mittelalter*. Bern, 1960). Опираясь на письменные памятники разных народов (VI — середина VIII в.), автор, однако, ограничивает свою задачу выявлением в раннесредневековой литературе «антивизантийских тенденций».

Благодаря обширным завоеваниям Хлодвига и его преемников Франкская держава очень рано стала осознавать себя как «номер два» в христианском мире и уже с VI в. стремилась играть ведущую роль среди европейских «gentes». И все же Меровинги еще отнюдь не были готовы разделить с византийцами всю Европу. Как явствует из знаменитого письма Теодоберта I Юстиниану (около 545 г.) («вы соизволили быть осведомлены о том, в каких провинциях мы обитаем или же какие племена подчиняются нашей власти...»), территориальные притязания франкских королей не выходили за пределы Северной Италии и собственно Германии между Рейном и Эльбой ³.

Значительное политическое и духовное превосходство Византии, ее доминирующее положение в христианском «orbis terrarum» были для варварских королей VI—VII вв. и их современников-хронистов очевидным и само собой разумеющимся фактом международной жизни. Византия у Григория Турского — это мировая держава, имеющая свои интересы во всех уголках Европы и способная «побуждать» (*inpellentibus missis impregialibus*) местных правителей к исполнению своих требований ⁴. Нет сомнений, что Меровинги даже в периоды своего наивысшего могущества неизменно смотрели на императоров в Константинополе «снизу вверх» и, как показывает дипломатическая переписка второй половины VI в., всецело и всерьез принимали их тон снисходительного покровительства, «отеческой» заботы, отвечая на него тоном «сыновнего» подобострастия (ср. письма Теодоберта Юстиниану или Хильдеберта II Маврикию). Во многих письмах VI в. византийский император прямо назван «отцом» ⁵, который «проявляет заботу» и предлагает варварским королям сообщать ему обо всех их успехах и «нуждах» («о том, что ниспошлет нам бог, мы будем правдиво уведомлять вас»; «благочестивой вашей светлости благосклонность предлагает нам то, что мы сочтем для себя выгодным, доносить до вашего слуха...») ⁶. Отсюда — и следование франкских монархов VI в. традиционной римско-византийской концепции «дружбы» (*amicitia*) как отношений гегемонии и клиентелы ⁷.

Бесспорно, однако, что даже снисходительно-«отеческое» внимание со стороны императоров «нового Рима» и тем более их явная заинтересованность во франках как союзниках против лангобардов сами по себе необычайно повышали политическое самосознание «длинноволосых королей», возводя его на иной, качественно новый уровень территориальных притязаний и стратегических задач.

Позитивная в целом оценка византийцев свойственна всей меровингской литературе ⁸. Но в течение VII в. поражения, нанесенные Византии аварами, персами и арабами, заметно подорвали ее престиж. Постепенное сокращение имперских владений под натиском персов и особенно арабов описано Псевдо-Фредегаром подробно и откровенно ⁹. При всем внимании и пиетете к великой христианской империи на Востоке у франкских писателей все отчетливее прокладывает себе дорогу своеобразный «галитаризм»: на смену «сыновнему» чувству приходит скорее чувство «младшего брата». Если у Григория Турского король Сигиберт I «просит» мира у Юстина II ¹⁰, то уже в хронике Псевдо-Фредегара в середине VII в. роль

³ *Epistolae Austrasiacae*, 20.— In: MGH, *Epistolae*. B., 1892, t. III, p. 133.

⁴ *Gregorii Turonensis Historiarum* lib. VIII, cap. 18.— In: *Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters*. B., o. J., Bd. III, S. 184. Cp.: *Ibid.*, lib. VI, cap. 24, 40, 43; lib. VII, cap. 32, 36, S. 40, 42, 70, 78, 134, 140.

⁵ *Epistolae Austrasiacae*, 19, 20, 25, 43, 45, 46, p. 132—133, 138, 149, 151.

⁶ *Ibid.*, 20, 47, p. 133, 152.

⁷ *Ibid.*, 18, 20, 42, p. 132—133, 148. Cp.: *Paradisi E. Civitas maxima: Studi di storia del diritto internazionale*. Firenze, 1974, p. 335—337, 384—387.

⁸ Об отсутствии в памятниках этого времени «антивизантийских тенденций» см.: *Haenssler F.* *Op. cit.*, S. 8—9, 57—60, 62—64, 76, 108.

⁹ *Chronicarum q. d. Fredegarii* lib. IV, cap. 63, 66, 81.— In: MGH, *Scriptores rerum Merovingicarum*. Hannoverae, 1888, t. II, p. 152—154, 162.

¹⁰ *Gregorii Turonensis Historiarum* lib. IV, cap. 40.— In: *Ausgewählte Quellen...*, Bd. I, S. 252.

просителя переходит к византийскому императору: уstraшенный злоещим предзнаменованием, Ираклий вынужден обратиться к Дагоберту I с «просьбой» (*petens*) о немедленном насильственном крещении всех евреев в его королевстве ¹¹.

К сожалению, мы не располагаем достаточным материалом источников, чтобы проследить эту эволюцию восприятия на Западе франко-византийских контактов более детально. Вместе с тем есть все основания полагать, что объединение в начале VIII в. всех франкских земель под властью австрийских майордомов еще больше изменило соотношение сил между франками и византийцами в глазах западных писателей. Составленные около 805 г., но позволяющие судить и о внешнеполитической программе первых Каролингов, Мецские анналы свидетельствуют о том, что «греки» и их империя не занимали какого-либо особого, исключительного положения в системе внешнеполитических представлений новых франкских правителей, а входили вместе с римлянами, лангобардами, арабами, аварами и славянами в стратегическую зону «внешних народов», которая в отличие от полосы «отпавших» от франков германских племен не подлежала завоеванию. С «внешними народами» (среди них, конечно, «греки» названы первыми) франкские государи предполагали обмениваться посольствами и поддерживать «мир и дружбу» ¹².

Меняется в VIII в. и само понимание «дружбы» между франкским королем и императором в Константинополе. Идею взаимной «дружбы» (*amicitiae*), основанной на равенстве, мы встречаем в первом же памятнике официальной каролингской историографии — в «Продолжениях» хроники Псевдо-Фредегара, в рассказе об обмене посольствами между Пипином Коротким и Константином V в 757 г. То, что сами франки имели при этом в виду формально фиксированные отношения равенства, предполагающие — в соответствии с общегерманской концепцией — взаимную союзническую помощь советом и делом ¹³, подтверждается, на наш взгляд, замечанием хрониста: «Не знаю, по какой причине, но дружбе, которую они между собой обещали друг другу, не суждено было иметь никакого результата» ¹⁴. Более того, несмотря на подчеркнутый элемент равенства и взаимности, в рассказе анонимного хрониста есть и оттенок неравенства, весьма явный для современников: Константин отправил к франкскому королю послов «с многочисленными дарами», об ответных же дарах Пипина ничего не сообщается, точнее — умалчивается.

На Западе, где в это время крепло и расширялось государство Каролингов, Византия второй половины VIII в., утратившая свои былые позиции в Италии, и прежде всего в Риме, не могла, конечно, рассматриваться иначе как держава региональная, под контролем которой оставались в Европе лишь Калабрия, Истрия, Венеция и некоторые области на Балканах. Тем не менее ее политический и идеологический авторитет и влияние в западной части христианского мира были еще очень сильны ¹⁵. Там привыкли считаться с Восточной империей, и, насколько можно судить о позиции Каролингов в отношении к тем или иным международным проблемам VIII в. (например, в Италии), их программа внешней экспансии была, по-видимому, ориентирована таким образом, чтобы всемерно избежать прямого столкновения интересов обеих держав. Так, в течение всего царст-

¹¹ *Chronicarum q. d. Fredegarii lib. IV, cap. 65, p. 153.* То, что Дагоберт «тотчас же исполнил» просьбу императора, вовсе не означает, будто сам хронист считал эту просьбу приказом, как утверждает Т. Лунгис (*Op. cit.*, p. 113, n. 1).

¹² *Annales Mettenses priores. Hannoverae; Lipsiae, 1905, a. 692, p. 15.* О трех стратегических зонах см.: *Werner K. F. Les principautés périphériques dans le monde franc du VIIIe siècle.* — In: *I problemi dell'Occidente nel secolo VIII.* 6—12 apr. 1972. Spoleto, 1973, p. 483—484.

¹³ Ср.: *Wielers M. Zwischenstaatliche Beziehungsformen im frühen Mittelalter.* München, 1959, S. 82—89, 97—98.

¹⁴ *Chronicarum q. d. Fredegarii continuationes, cap. 40.* — In: *MGH, Scriptores rerum Merovingicarum, t. II, p. 186.*

¹⁵ Это справедливо подчеркивал, например, Р. Дженкинз (*Jenkins R. Byzantium: the Imperial Centuries.* L., 1966, p. 107—108).

вованя Пипина Короткого римским папам не удалось настроить короля против византийцев, и, убеждая его помочь «святому Петру» против «нечестивейших греков, врагов святой божьей церкви», папа Павел I выдвигал в своих письмах к Пипину аргументы исключительно религиозного порядка¹⁶. Письма изобилуют ссылками на «преступное коварство еретиков-греков», на их желание «унизить и попрасть святую католическую и апостольскую церковь»¹⁷, но доказать наличие объективных стратегических противоречий между самими франками и греками папы не могли, и их конфликт с Византией¹⁸ оставался в глазах франкского короля чисто местным, двусторонним, воспринимался лишь в контексте культовых и догматических разногласий. Даже передача франками «святому Петру» отвоеванных у лангобардов бывших византийских владений в Центральной Италии отнюдь не выступает в каролингских памятниках как посягательство на права Константинополя. То, что еще в конце VIII в. при каролингском дворе противником Византии считался папа, а не франкский монарх, подтверждает эпитафия Адриану I, написанная — предположительно — Алкуином по заказу самого Карла Великого в 795 г. Обращаясь к покойному папе, поэт восклицает:

«Праведной властью сраженные, греки тебе уступили...»¹⁹.

Растущее осознание своей силы Каролинги умели сочетать с политическим реализмом, гибкостью и осмотрительностью. Тем более что в это время им уже приходилось, очевидно, считаться со все большей настороженностью константинопольских правителей, которые, по словам Эйнхарда, «всегда с подозрением относились к франкской мощи»²⁰. Вот почему умиротворение Византии было, как нам представляется, одной из тех внешнеполитических максим короля Пипина, которым его великий преемник Карл следовал особенно неукоснительно. Можно было десятилетиями и подчас весьма остро спорить о почитании икон или о божественности императорского сана — и при этом со всем дипломатическим искусством избегать открытых столкновений, уважая территориальные интересы и права другой стороны в сфере ее влияния.

Между тем завоевание Карлом Лангобардского королевства встретило, естественно, особенно резкую оппозицию греков, чьи владения в Южной Италии оказались под прямой угрозой²¹. Выступая для франков главным источником информации обо всех замыслах Константинополя, папский двор в 770—780-х годах неустанно разжигал вражду между Карлом и византийцами. В своих письмах этого времени Адриан I то и дело указывал Карлу на реставраторские планы «ненавистных богу» греков в отношении свергнутой лангобардской династии, настойчиво призывал франков вторгнуться в Беневенто, не дожидаясь, пока его герцог открыто перейдет на сторону Константинополя²². Как можно понять из этих же писем, сам франкский король явно был склонен избежать военного конфликта с Византией, тем более что в начале 780-х годов отношения с империей заметно улучшились: дочь Карла была, как известно, помолвлена с юным Константином VI²³, а в 786 г. король намеревался окончательно «уладить итальянские дела», заключив с греками соглашение о разделе сфер влияния на полуострове (*cum missis imperatoris placitum habendi de convenientiis*

¹⁶ Codex Carolinus, 17, 30, 32, 38.— In: MGH, Epistolae, t. III, p. 515, 536, 539, 551.

¹⁷ Ibid., 32, p. 539.

¹⁸ О дипломатических столкновениях Византии и папства в VIII в. см.: Miller D. H. Byzantine-Papal relations during the Pontificate of Paul I.— BZ, 1975, Bd. 68, S. 47—62; Lounggis T. C. Op. cit, p. 126—138, 150—151.

¹⁹ Tituli saeculi octavi, 9.— In: MGH, Poetae latini aevi Carolini. B., 1884, t. I, p. 114.

²⁰ Einhardi Vita Karoli, cap. 16.— In: Ausgewählte Quellen..., Bd. V, S. 186.

²¹ Подробнее о положении на юге Италии в 770—780-х годах см.: Bertolini O. Carlo-magno e Benevento.— In: Karl der Grosse. Lebenswerk und Nachleben. 3. Aufl. Düsseldorf, 1967, Bd. I, S. 624—655.

²² Codex Carolinus, 57, 63, 65, 80, 82—84, p. 582, 590—593, 612—620.

²³ Annales Laureshamenses, a. 781.— In: MGH, Scriptores. Hannoverae, 1826, t. I, p. 32.

еогум) ²⁴. Хотя сам Карл был едва ли не больше всех заинтересован тогда в подобном брачном союзе, каролингские памятники подчеркивают, что император Византии «просил» дать ему в жены франкскую принцессу ²⁵.

Резкое недовольство Каролингов деятельностью Никейского собора 787 г., по-видимому, положило конец помолвке ²⁶. В свою очередь, растущее недоверие греков к политике Карла на юге Италии привело в 788 г. к локальному и быстро завершившемуся конфликту, описанному в Королевских анналах как «война между греками и лангбардами»: герцоги Беневенто и Сполето, вассалы Карла, действовали против византийцев лишь под «наблюдением» франкского легата ²⁷. Примечательно, что эта недолгая война, закончившаяся полной победой франков и их вассалов, не была воспринята при каролингском дворе как событие первой величины, как некий поворотный пункт в отношениях с Восточной империей. Сообщая в 790 г. священнику Колку в Шотландию военные и политические новости минувших двух лет, Алкуин после рассказа о походе Карла на славян упоминает вкратце и о вторжении греков в Италию и победе над ними. «Подобным же образом и авары яростно обрушились на Италию», — продолжает он ²⁸.

Подробное изложение истории франко-византийских контактов в конце VIII — начале IX в., разумеется, не входит в нашу задачу ²⁹. Нас, как и прежде, интересует эволюция образа Византии в политической психологии Франкского государства. Если в церковно-религиозной сфере отношения Каролингов к императорам в Константинополе становилось все более настороженным и даже открыто враждебным (ср. обвинения византийских правителей в «идолопоклонстве» и «гордыне» в трактате «*Libri Carolini*» ³⁰), то в сфере политической восприятие Византии было скорее нейтральным. Несмотря на то, что война 788 г. и последовавшее за ней присоединение Истрии надолго ухудшили отношения Карла с империей и лишь на рубеже VIII—IX вв. были сделаны первые шаги к миру, официальные каролингские памятники словно не желали признавать Византию стратегическим противником Франкского королевства. Невидимые весы, на которых франкские государи издавна определяли соотношение политических величин обеих держав, все еще поддерживались в равновесии. Однако громкие победы Карла над саксами и аварами, его обширные завоевания, с одной стороны, и натиск болгар и арабов на Византию, ее внутренняя нестабильность — с другой, сделали к концу VIII в. это равновесие весьма хрупким и неустойчивым.

15 августа 797 г. император Константин VI был свергнут и на византийском престоле оказалась женщина — императрица Ирина. Это известие вызвало на Западе огромный интерес: «И когда прочтешь это письмо, тотчас же отошли назад другие, дабы я знал... что ты слышал о властителях Греции...» ³¹, — просил Алкуин зальцбургского архиепископа Арно. Именно этот дворцовый переворот в далеком Константинополе явился для каролингских писателей тем событием, которое нарушило, наконец, прозрачное равновесие. Ощущение фактического равенства обеих держав сменилось у франков осознанным чувством политического превосходства над греками. Новая психологическая ситуация нашла свое отражение в знаменитом письме Алкуина Карлу Великому в июне 799 г. Рассуждая о трех высших «достоинствах» (*dignitates*) в христианском мире — папском, императорском и королевском, учитель Карла подчеркивал, что и первое и второе «достоинства» были унижены и запятнаны насилиями, совершен-

²⁴ *Annales regni Francorum*. Hannoverae, 1895, a. 786, p. 72.

²⁵ Ср.: *Annales q. d. Einhardi*, a. 786. — *Ibid.*, p. 75; *Gesta abbatum Fontanellesium*, cap. 16. — In: MGH, *Scriptores*. Hannoverae, 1829, t. II, p. 291.

²⁶ Ср.: *Ohnsorge W.* *Abendland und Byzanz*. Weimar, 1958, S. 65—67.

²⁷ *Annales regni Francorum*, a. 788, p. 82.

²⁸ *Alcuini epistolae*, 7. — MGH, *Epistolae*, t. III, p. 32.

²⁹ См.: *Lounghis T. C.* *Op. cit.*, p. 153—162.

³⁰ *Libri Carolini*, praefatio; lib. I, cap. 3—5. — In: PL, t. 98, col. 1002, 1014—1016, 1019, passim.

³¹ *Alcuini epistolae*, 146, p. 236.

ными над папой Львом III и над Константином VI. Здесь нет противопоставления одного сана другому, но есть многозначительная констатация того парадоксального факта, что носитель третьего по рангу «достоинства» оказался теперь реально могущественнее (*potentia excellentiorem*) и папы, и императора. Сознание превосходства Франкской державы над Византией и Римом, уникального в тот момент положения Карла в христианском мире здесь столь же очевидно, как и презрение к грекам, которые, свергнув и ослепив законного «правителя империи», утратили моральное право на высшую власть в христианском сообществе³². С этим сознанием исключительности своего положения среди европейских народов и государств франки вступили в новое столетие.

Именно это сознание стало решающей психологической предпосылкой принятия Карлом императорского титула. Официальная мотивировка событий 25 декабря 800 г. изложена в Лоршских анналах и хорошо известна историкам³³. Отметим лишь то, что касается отношения франков к Византии. Отправной пункт официального обоснования коронации 800 г. — прекращение в Константинополе мужской линии носителей императорского титула и установление там «женского правления» (*femineum imperium*). В сложившейся ситуации, по решению папы, заботу о благополучии христианской Римской империи и соответствующий титул принял на себя наиболее достойный — тот, кто уже владел Римом и другими старинными имперскими центрами³⁴. Речь, таким образом, не шла ни о создании второй, соперничающей империи, ни об оспаривании теоретических прав византийцев как особого, «имперского» народа. Действительно ли Карл намеревался вступить в брак с Ириной³⁵ или нет³⁶, отношение Франкского государства к Восточной империи более всего походило в тот период на покровительственное отношение средневекового мужа, главы дома, к жене, которая сохраняет свои права, но не имеет власти и нуждается в помощи. Оживленные переговоры 797—799 гг. между патрициями Сицилии и Карлом Великим³⁷, по-видимому, о координации боевых действий против арабов в Средиземноморье могли только усилить у франков подобные представления.

Проблема «двух императоров» и связанные с ней новые дипломатические осложнения возникли между обеими державами лишь в 802 г., когда, низложив Ирину, на византийский престол вступил Никифор I³⁸. Каролингские памятники не оспаривают его императорского титула, но называют его «императором греков» (*factus est imperator Grecorum*)³⁹ — в отличие от самого Карла, «императора римлян», предпочитавшего именовать себя просто «императором»⁴⁰. Достижение формального паритета между Ахеном и Константинополем означало для франков крупнейшую политическую победу над Восточной империей. Они желали отныне поддерживать с греками отношения равенства, но упорное нежелание Византии признавать это равенство раздражало их, а сознание реального могущества

³² Ibid., 174, p. 288.

³³ Подробнее см.: *Fichtenau H. Karl der Grosse und das Kaisertum.* — *MIÖG*, 1953, Bd. 61, S. 287—302.

³⁴ *Annales Laureshamenses*, a. 801, p. 38.

³⁵ Так — Ф. Дэльгер (*Dölger F. Byzanz und die europäische Staatenwelt.* Ettal, 1953, S. 301—302) и В. Онзорге (*Ohnsorge W. Konstantinopel und der Okzident.* Darmstadt, 1966, S. 64—66, 75—76).

³⁶ Ср. скептическую позицию П. Шрамма (*Schramm P. E. Kaiser, Könige und Päpste.* Stuttgart, 1968, Bd. I, S. 291—292), П. Классена (*Classen P. Karl der Grosse, das Papsttum und Byzanz.* — In: *Karl der Grosse. Lebenswerk und Nachleben*, Bd. I, S. 596—598).

³⁷ *Annales regni Francorum*, a. 797, 799, p. 100, 108.

³⁸ Подробнее о проблеме «двух императоров» см.: *Ohnsorge W. Abendland...*, S. 74—77; *Idem. Konstantinopel...*, S. 76—81.

³⁹ *Annales Mettenses priores*, a. 803, p. 89.

⁴⁰ Об эволюции императорского титула Карла см.: *Schramm P. E. Op. cit.*, Bd. I, S. 268—273, 290—296; *Ohnsorge W. Abendland...*, S. 111—130; *Classen P. Romanum gubernans imperium.* — In: *Zum Kaisertum Karls des Grossen*, S. 20—29; *Beumann H. Nomen imperatoris.* — *Ibid.*, S. 184—186.

Каролингской державы заставляло чувствовать свое неизменное превосходство над византийцами. Начиная с этого времени отношение каролингского общества к Восточной империи становится еще более двойственным и противоречивым.

Карл и его современники хорошо знали, как болезненно воспринимали на Босфоре постепенное продвижение франков к границам византийских владений. «Имей франка другом, но не соседом» — этот застарелый комплекс в политической психологии греков IX в., их «зависть» (*invidia*) к «славе франков», их растущие опасения, что Карл «хотел бы отнять у них империю», еще усиленные в их глазах узурпаторским актом 800 г., — все это франкский монарх, по свидетельству Эйнхарда, «с великим терпением» пытался преодолеть, «дабы не осталось ни одного повода для какого-либо преткновения между сторонами»⁴¹.

И после 800 г. Карл по-прежнему старался избежать открытого столкновения с Византией, отводя от себя любые подозрения в агрессивных намерениях. В конце IX в. Ноткер из Санкт-Галлена указывал даже, будто после коронации в Риме Карл всерьез опасался, «как бы греки, охваченные еще большей завистью, не затеяли чего-нибудь вредного Франкскому государству»⁴². Мир и «дружеский союз» с императорами в Константинополе должны были облегчить ему достижение главной цели — признания византийцами его нового титула.

Не стремясь к непосредственному соседству с Восточной империей, Карл мог теперь надеяться внушить грекам доверие к своей политике лишь при условии, что герцогство Беневенто и Хорватское княжество в Далмации останутся лишь в вассальной зависимости от франков — как «буферы» между владениями обеих держав⁴³. Уже в 802—803 гг. Карлу почти удалось добиться от Ирины, а затем от Никифора «мира и согласия» (*impetrata a Grecis pacis concordia*)⁴⁴. Вспоминая в письме к Никифору в 811 г. о переговорах в Зальце восемь лет назад, франкский император давал понять, что преобладающим умонастроением его и его двора в течение всех этих лет было желание завершить начатое и ожидание ответа из Константинополя на предложенный франками в 803 г. проект мирного договора («долго пребывали мы в ожидании... дабы о делах неопределенных прийти к желанной определенности») ⁴⁵. И хотя в 806 г. ситуация заметно осложнилась, «адриатический кризис» 806—810 гг.⁴⁶ не повлиял сколько-нибудь существенно на отношение франкского двора к Византии и на ее образ в каролингских памятниках.

Образ этот оставался двойственным. Существовало как бы две концепции франко-византийских отношений. Одну из них Каролинги настойчиво утверждали в своих официальных сношениях с Константинополем. В ее основе лежала идея «братства» и полного, не только фактического, но и юридического равенства двух императоров. Из посланий Карла к Никифору и Михаилу I мы знаем, что он обращался к правителю Византии как к «возлюбленному и достопочтенному брату»⁴⁷. Этот мотив равенства в общении франкского императора с его «братьями» в Константинополе был, видимо, чрезвычайно важен для политического самосознания придворных кругов на Западе: Карл «в письмах называл их братьями», подчеркивал в начале 830-х годов Эйнхард⁴⁸. Еще полвека спустя Ноткер поведал о

⁴¹ *Einhardi Vita Karoli*, cap. 16, 28, S. 186, 200.

⁴² *Notkeri Gesta Karoli*, lib. I, cap. 26. — In: *Ausgewählte Quellen...*, Bd. VII, S. 362.

⁴³ Подробнее см.: *Bertolini O.* Op. cit., S. 657—661; *Ronin V.* The Franks on the Balkans in the early Ninth Century. — *Etudes Balkaniques*, 1985, p. 51—54.

⁴⁴ *Annales Mettenses priores*, a. 803, p. 89. Cp.: *Dölger F.* Op. cit., S. 299—303, 324; *Tsirpanlis C. N.* Byzantine Reactions to the Coronation of Charlemagne. — *BYZANTIKA*, 1974, t. 6, p. 353—356.

⁴⁵ *Caroli Magni epistolae*, 32. — In: *MGH, Epistolae. B.*, 1895, t. IV, p. 547.

⁴⁶ Подробнее изложение событий см.: *Storia di Venezia. Venezia*, 1958, v. II, p. 112—117, 121—124.

⁴⁷ *Caroli Magni epistolae*, 37, p. 556.

⁴⁸ *Einhardi Vita Karoli*, cap. 28, S. 200.

фантастической мечте Карла, эмфатически высказанной им греческим посланцем: «О, если бы не было этого омута между нами! Быть может, богатства Востока мы или поделили бы между собой, или при равном участии совместно владели бы ими»⁴⁹. Но и в начале IX в., после Ахенского мира и признания византийцами в 812 г. Карла «императором и василевсом»⁵⁰, отношения с Восточной империей считались в Ахене равноправными и дружественными, и, говоря современным языком, преимущественными. Они выражались в тех же терминах «amicitia», «amicitia et societas», что и отношения Каролингов с папским Римом⁵¹. Посольство из Константинополя рассматривалось как «главнейшее» (praecipua) среди других посольств от «внешних народов»⁵², а в перечне послов, прибывших ко двору франкского государя, греки всегда названы первыми. Император не только «выслушивал» их, но и вел с ними «дружеские переговоры» (colloquium familiaris)⁵³.

Эта официально принятая в дипломатических контактах франков с Византией концепция равенства и «братской дружбы» отражала еще не изжитый при каролингском дворе традиционный пиетет варваров перед «вторым Римом» и одновременно льстила самолюбию франкской династии. Вместе с тем в среде самой франкской знати утверждалось постепенно иное, менее благожелательное восприятие Византии. Если до коронации 800 г. правитель Восточной империи выступал в западных источниках просто как «imperator», то в памятниках IX в. его титул становится все более скромным, локально-ограниченным: «imperator Graecorum»⁵⁴; «imperator Constantinopolitanus»⁵⁵. Начиная с середины 830-х годов многие авторы вообще зачастую отказывают византийцу в императорском титуле, называя его «princeps Constantinopolitanus»⁵⁶, «rex Graecorum»⁵⁷, «rex Constantinopoleos»⁵⁸, «rex Bizantinus»⁵⁹ (ср. в Ксантенских анналах: «Отправлены нашим императором послы к королю греков в Константинополь»⁶⁰).

Новые представления о франко-византийских отношениях проецируются и на прошлое. Рассказ Псевдо-Фредегара о том, как император Ираклий «просил» Дагоберта крестить всех евреев в его королевстве, воспроизведен с незначительными изменениями и в «Деяниях Дагоберта», компилятивном сочинении некоего сен-денийского монаха первой трети IX в. Однако следующая фраза меровингского хрониста («что Дагоберт тотчас же и исполнил») показалась автору «Деяний» унизительной для его героя, и он ее опустил. Вместо этого говорится, что король принудил евреев креститься, «воспользовавшись этим случаем и побуждаемый ревностью к богу, по совету епископов и мудрых мужей»⁶¹, т. е. по собственной воле, а отнюдь не из покорности Ираклию.

⁴⁹ *Notkeri Gesta Karoli*, lib. I, cap. 26, S. 362.

⁵⁰ *Annales regni Francorum*, a. 812, p. 136. Ср.: *Dölger F.* Op. cit., S. 303—308, 327; *Folz R.* Le couronnement impérial de Charlemagne. P., 1964, p. 203—205; *Classen P.* Karl der Grosse..., S. 602—604; *Tsirpanlis C. N.* Op. cit., p. 356—357.

⁵¹ *Annales regni Francorum*, a. 814, p. 141; *Einhardi Vita Karoli*, cap. 15, 16, S. 184, 186; *Anonymi Vita Hludowici imperatoris*, cap. 23, 27.— In: *Ausgewählte Quellen...*, Bd. V, S. 292, 298.

⁵² *Annales regni Francorum*, a. 814, p. 140.

⁵³ *Thegani Vita Hludowici imperatoris*, cap. 9.— In: *Ausgewählte Quellen...*, Bd. V, S. 222.

⁵⁴ *Annales Mettenses priores*, a. 803, p. 89; *Einhardi Vita Karoli*, cap. 19, S. 190; *Annales Bertiniani*, a. 867.— In: *Ausgewählte Quellen...*, Bd. VI, S. 168, 170; *Annales Fuldenses*, a. 872, 873, 894, 896.— *Ibid.*, Bd. VII, S. 84, 92, 160, 168.

⁵⁵ *Annales regni Francorum*, a. 821, p. 155; *Einhardi Vita Karoli*, cap. 15, 16, S. 184, 186; *Anonymi Vita Hludowici imperatoris*, cap. 23, 27, 34, 49, S. 292, 298, 312, 346.

⁵⁶ *Thegani Vita Hludowici imperatoris*, cap. 9, S. 222.

⁵⁷ *Annales Bertiniani*, a. 869, S. 188.

⁵⁸ *Notkeri Gesta Karoli*, lib. II, cap. 5, S. 380.

⁵⁹ *Ibid.*, lib. I, cap. 26, S. 362.

⁶⁰ *Annales Xantenses*, a. 811.— In: MGH, *Scriptores*, t. II, p. 224.

⁶¹ *Gesta Dagoberti I*, cap. 24.— In: MGH, *Scriptores rerum Merovingicarum*, t. II, p. 409.]

Негативное восприятие Византии, сознание политического и морального превосходства франкского государя над константинопольскими властями было широко распространено при каролингском дворе в последние годы жизни Карла Великого и в царствование Людовика Благочестивого. Об этом свидетельствует образ Византии у Эйнхарда, построенный на косвенном противопоставлении политики и политической морали Карла Великого, с одной стороны, и всех византийских императоров его времени — с другой:

Карл Великий:

1. Миролюбие, осмотрительность, уважение интересов и безопасности партнера, стремление не давать ему повода для недоверия и столкновений.
2. «Терпение», настойчивость, «великодушие». Отсюда — «частые посольства» и письма к грекам, дабы уверить их в своих добрых намерениях.
3. Четкое сознание своей силы, уверенность в себе.

Византийские императоры:

1. Подозрительность, всегдашняя «зависть» к «франкской мощи», пренебрежение к интересам партнера. Отсюда — нежелание признать Карла императором.
2. Мелочность, страх потерять монополию на императорский титул, «упрямство», упорное нежелание смириться с реальным соотношением сил.
3. Четкое ощущение своей слабости, боязнь, что Карл «хотел бы отнять у них империю»⁶².

Карл добивался равноправного «прочного союза» (*firmissimum foedus*), уверяет Эйнхард. Однако в другом месте писатель подчеркивает, что сами греки добровольно искали его «дружбы», отправляя к нему многочисленных послов⁶³.

Отмеченную выше двойственность в восприятии Византии западными писателями, сочетание мотивов равенства и даже традиционного уважения к ней с мотивами превосходства Франкской державы и некоторым эмоциональным «отталкиванием» византийцев можно обнаружить во всей каролингской литературе IX в. Устойчивые характеристики греков и Греции здесь — «мудрость» (*Grecia prudens*⁶⁴; *sapiens Grecia*⁶⁵), суетная имперская пышность (*Greciae gloriae*⁶⁶), «гордыня» (*Pelagae tument regna superba nimis*⁶⁷), «тщеславие» (*vanissima Hellas*⁶⁸), «хитрость» (*Greci astucia sua naves... in regnum Bulgarum... transponunt*⁶⁹).

Наиболее ярко и отчетливо идея об утрате греками своего престижа и привилегий в пользу Каролингской империи проявилась в рассказах нескольких писателей IX в. об установлении в 826 г. в Ахенском дворце собственного органа, который до сих пор считался на Западе исключительной принадлежностью византийского быта. Если анонимный биограф Людовика Благочестивого сообщает только, что «бог предоставил ему (императору. — *B. P.*) то, чего прежде не бывало во Франкском государстве»⁷⁰, то у Эрмольда Нигелла и Валафрида Страбона мы находим и другую мысль: отныне франки владеют тем, чем «особенно хвалилась Греция» и в чем Константинополь видел некогда символ своего политического и духовного превосходства⁷¹.

«Скорбит Греция, уязвляемая новыми шипами зависти... поистине страдает она, ибо (чего доньше она никогда не страшилась) та ее привилегия перенесена в наши края», — писал около 875 г. Карлу Лысому оксерский

⁶² *Einhardi Vita Karoli*, cap. 16, 28, S. 186, 200.

⁶³ *Ibid.*, cap. 28, 16, S. 200, 186.

⁶⁴ *Theodulfi. De avaro.* — In: MGH, *Poetae latini aevi Carolini*, t. I, p. 461.

⁶⁵ *Notkeri Gesta Karoli*, lib. II, cap. 6, S. 380.

⁶⁶ *Annales Fuldenses*, a. 876, S. 100.

⁶⁷ *Ermoldi Nigelli In honorem Hludowici carmen*, lib. IV. — In: MGH, *Poetae latini aevi Carolini*. B., 1884, t. II, p. 76.

⁶⁸ *Notkeri Gesta Karoli*, lib. II, cap. 6, S. 382.

⁶⁹ *Annales Fuldenses*, a. 896, S. 168.

⁷⁰ *Anonymi Vita Hludowici imperatoris*, cap. 40, S. 324.

⁷¹ *Ermoldi Nigelli In honorem Hludowici carmen*, lib. IV, p. 76; *Walahfridi Strabi De imagine Tetrici.* — In: MGH, *Poetae latini aevi Carolini*, t. II, p. 374.

аббат Хейрик ⁷². Здесь речь шла, конечно, не только о политических «привилегиях» Византии, о ее бывшей монополии на императорский титул, которую незадолго до этого резко оспаривал «император Италии» Людовик II в своем известном письме Василию I (871 г.) ⁷³. Речь шла обо всем том, что обусловило некогда исключительное положение Восточной империи в глазах окружающих варварских племен. В «Деяниях Карла» Ноткера притязания слабого и изнеженного «короля константинопольского» на то, чтобы повелевать всем миром, называть властителей Европы своими «сыновьями» и «дарить» им далекие племена, вызывают лишь язвительные насмешки у воинственного франкского императора ⁷⁴. Превосходство Византии над другими народами и государствами, для меровингских писателей очевидное и бесспорное, было в эпоху ранних Каролингов поставлено под сомнение, а затем и отвергнуто. Теперь же, во второй половине IX в., сама мысль о таком превосходстве казалась франкам и их соседям нелепой и устаревшей.

---

⁷² *Heirici Vitae S. Germani commendatio*.— In: MGH, *Poetae latini aevi Carolini*. B., 1896, t. III, p. 429.

⁷³ MGH, *Epistolae*. B., 1928, t. VII, p. 386—390.

⁷⁴ *Nothkeri Gesta Karoli*, lib. II, cap. 5, S. 380. Ср.; *Thümmel H. G. Fränkisches Selbstbewusstsein gegenüber Byzanz bei Notker von St. Gallen*.— In: *Byzanz in der europäischen Staatenwelt*. B., 1983, S. 19, 22—23.